

СОЦИОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008: 378245.2

РОДНИК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

*В.Л. Кургузов, д-р культурологии
ВСГУТУ, Улан-Удэ*

Статья написана к 12-й годовщине утверждения первого на востоке страны диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по проблемам теории и истории культуры и культурологического музееведения. В ней анализируются предпосылки зарождения культурологии вообще и культурологической мысли Восточной Сибири, в частности.

Ключевые слова: культура, культурология, совет, диссертация, проблема, парадигма, регион, приказ, аспирантура, докторантура.

Последние два десятилетия прошлого века – это время становления культурологии как области теоретического знания в России. По существу, теоретический статус культурологии изначально укладывался в модель *научной парадигмы* – специфической области знания, интегрирующей методы и результаты других наук социально-гуманитарного профиля вокруг актуального проблемного поля – *Культура*, включая многочисленные морфологические единицы ее феноменов. Однако началом этого процесса послужили более ранние времена.

Первая попытка создания культурологии как особой науки была предпринята в 30-х годах прошлого века американским антропологом Лесли Уайтом. По его мнению, специфическая особенность человеческих сообществ, в отличие от животных, более передается термином «культура», чем «общество», и потому наука о культуре – культурология – должна заменить собой социологию в качестве базовой науки о человеке. Претензия на создание такой науки не была поддержана

научным сообществом, и до сих пор термин «культурология» если и используется в среде западных специалистов, то только как название одной из отраслей культурной антропологии или этнологии.

Однако, благодаря настойчивости Лесли Уайта, именно в таком значении термин «культурология» был впервые включен в «Международную энциклопедию социальных наук», изданную в Англии в 1968 году. Примерно в это же время этот термин стал использовать Э.С. Маркарян, который попытался обосновать право на существование культурологии наряду с социологией. По его мнению, общим предметом культурологии и социологии является социальная система, но если культурология изучает социальную систему со стороны способов деятельности, то социология – со стороны отношений между субъектами этой деятельности. Однако и эта попытка, будучи поддержана рядом советских философов и ученых, также не нашла дальнейшего продолжения.

Начиная с 60-х годов прошлого столе-

тия, культура в СССР стала предметом повышенного интереса со стороны филологов, историков, филологов и литературоведов. Это подтверждается хотя бы наличием многочисленных школ и научных направлений, возникших в те годы.

В философии они были представлены теми, кто развивал так называемый *деятельностный* подход к культуре, трактовал культуру как аксиологическую систему или как диалог культур (школа В.С. Библера). В исторической науке (особенно медиевистике) под влиянием французской школы «Анналов» формируется *историко-антропологическое* направление (А.Я. Гуревич, Л.М. Баткин и др.), переклотившие внимание с экономической и политической истории на историю духовной культуры. В рамках филологической науки получила развитие *семиотика культуры*, представленная московско-тартуской школой во главе с Ю.М. Лотманом. Все они, однако, оставались в пределах собственной науки и не претендовали на создание особой науки под названием «культурология».

И только начиная с 90-х годов прошлого века культурология обретает у нас в стране значение сначала относительно самостоятельной *учебной* дисциплины, а затем и вполне *самостоятельной науки* – культурологии, объединяющей собой *теорию* и *историю* культуры и входящей уже не один год в номенклатуру научных специальностей ВАК. Появилась новая дисциплина – стали возникать и специальные кафедры. Например, кафедра культурологии ВСГУТУ, которую я возглавляю, – одна из самых первых в СССР. Она была открыта уже в 1987 году. По мнению Ю. Асояна, «не будет большой ошибкой, если мы прямо назовем культурологию отечественным нововведением. Такой науки, как культурология, нет больше нигде. Это обстоятельство – существование науки в «одной отдельно взятой стране» – до сих пор, кажется, недостаточно осмыслено» [1, с. 9].

В последние годы к нам на различного рода культурологические форумы – научные конференции, симпозиумы, кон-

грессы – стали приезжать многие специалисты из других стран. При этом все они задают один и тот же вопрос: «Как это вам удалось в столь короткий срок создать науку культурологию и, более того, ввести ее в пространство высшего образования? У нас, к сожалению, такой науки нет». Я им всегда на этот вопрос отвечаю одинаково: «Потому что у вас нет такой культуры, какая есть в России с ее этно-национальным многоцветием и уникальными культурными ценностями. Поэтому у вас нет и такой науки, как культурология».

Но времена меняются. И уже сегодня в некоторых странах стали появляться первые кафедры культурологии, и не только в странах СНГ, но и в Польше, Германии, Монголии, Китае и др.

Сам факт рождения культурологии как специфической области теоретического знания не вызывает сомнений у большинства гуманитариев. Однако проблема идентификации научного метода, с которой связана окончательная легитимизация данной области знания о культуре, до конца еще не решена. Разрешить данное противоречие, на мой взгляд, можно в том случае, если мы откажемся от попыток уложить культурологию в прокрустово ложе *частной науки* и представим весь арсенал частных научных подходов в качестве научной парадигмы – своеобразной *метанауки*, которая сформировалась в конце XX века. Культурологическая парадигма уже сегодня объединила значительную группу российских ученых-гуманитариев, научная рефлексия которых была связана определенным методом познания реальности, она интегрировала ресурсы различных наук социо-гуманитарного цикла и реально сформировала уже особую область предметной онтологии.

«Парадигмальный метод, – как справедливо подчеркивают А.С. Запесоцкий и А.П. Марков, – предполагает задействовать не только рациональные ресурсы личности, но и включение новых энергий, с помощью которых не просто понимается, но создается модель культурной реальности – картина «мира культуры»

[2, с. 8]. В результате научной рефлексии и интерпретации «текстов культуры» (т. е. знания, полученного в рамках других наук гуманитарного профиля) культурологический дискурс не только анализирует, интерпретирует и понимает, но, я бы сказал, – «собирает», «организовывает» в общую систему культурную реальность, «разбросанную» по многочисленным проблемным областям социально-гуманитарного знания, и онтологизирует тем самым культуру как целостность.

При этом следует отметить одно важное отличие культурологии в ее нынешнем виде от первых версий, в частности той, которая была предложена Л. Уайтом. Для меня вполне очевидно, что в наши дни интерес большинства культурологов переместился с анализа *традиционного* общества, что характерно для культурных антропологов и этнографов, на происходящие в *современном* обществе культурные трансформации. Именно поэтому культурология обретает сегодня вид не столько этнографического или исторического, сколько социокультурного и даже социологического знания, предстает нам в качестве социологии культуры.

Изданные в России в качестве учебных пособий работы Л.Г. Ионина и А.И. Шендрика в определенной степени подтверждают эту тенденцию. Если книги Л.Г. Ионина «Основы социокультурного анализа» и особенно «Социология культуры» – это попытка социолога узурпировать всю область культурных исследований, то «Социология культуры» А.И. Шендрика – не что иное, как попытка выдать за культурологию социологические подходы в исследовании культуры.

Ну, а что же произошло с философией культуры? Один из моих уважаемых учителей, патриарх отечественных философов культуры В.М. Межуев подчеркивает: «...то, что сегодня называется культурологией, фактически вытеснило и подменило собой философию культуры» [3, с. 78]. Мой вывод будет не столь радикален, и его аргументацию я, как ни странно, найду у самого Вадима Михайловича. В своем докладе «Как возможна филосо-

фия культуры?» он великолепным образом отвечает на этот вопрос: «Философия культуры имеет отношение не к истории культуры, а к истории знания о культуре... Нельзя смешивать обе эти истории: все люди так или иначе включены в историю культуры – живут в ней, творят ее, но не все из них являются философами культуры (подобно тому, как все живут в истории, но не все являются историками)» [4, с. 11].

Иными словами, *философия* культуры и не призвана изучать культуру – это должна делать *наука* – культурология, а философия культуры призвана изучать *представления людей о культуре*. Таким образом, вопрос о соотношении философии культуры и культурологии, в общем-то, исчерпан, он просто представляет собой часть более общего вопроса о соотношении философии и науки вообще и не более того.

В настоящее время положение культурологии более чем устойчиво. Практическая востребованность этой науки такова, что в культурологов сегодня «перекрашиваются» тысячами философы, историки, искусствоведы, филологи, этнологи, психологи и др. Сегодня, как справедливо отмечает А.С. Запесоцкий, «под культурологию переименовываются научные институты, вузовские кафедры и факультеты, издаются новые журналы, проводятся конгрессы, создаются общественные организации. В последние годы этот процесс принял лавинообразный характер. Можно уже говорить о своеобразном “буме культурологии”» [5, с. 4].

Однако, с другой стороны, сегодняшняя российская действительность ставит перед всеми нами жгучие вопросы:

– в чем состоит наше духовное призвание, «верховный долг народа», замысел и смысл нашей истории и культуры? И есть ли он вообще?

– Что приводит к дисбалансу социально-культурной системы, который в российской истории нередко принимает необратимую форму, ведущую к гибели?

– Какие угрозы духовного характера порождают внутреннюю дезорганизацию

общества, мешая ему сохранить свои жизненно важные параметры в пределах исторически сложившихся границ?

– В чем причина национальных катастроф и с помощью каких механизмов культуры общество может сохранить себя как целостность в историческом времени?

– Почему русская культура отторгает либеральные ценности прав и свобод личности, а отношение к праву всегда было и остается негативным?

– Почему так и не складываются контуры культуры правового государства, а рост количества законов страным образом провоцирует коррупционный беспредел и преступность?

– Почему такими патологическими зигзагами передвигается культура рыночных отношений?

– Каково место культуры России в глобальном мире?

– Кто мы в культурном плане: Европа, Азия или абсолютно самостоятельная, самобытная культура?

– Как и за счет чего Россия должна утверждать себя в мировом сообществе и мировой культуре? Какими средствами, методами, ресурсами?

Ответы на эти «проклятые» вопросы остро встали перед нами как раз в начале 90-х годов прошлого века. Они в немалой степени детерминировали появление культурологии. И именно в эти годы проблемное поле только что зародившейся науки – культурологии – было существенно усилено пониманием культуры как предпосылки и фактора духовной безопасности нации.

Действительно, культурная опасность (порождаемая, например, экспансией ценностей других культур) становится одним из деструктивных факторов, порождающих внутреннюю дезорганизацию культурного организма, которая может принять необратимую форму, ведущую к катастрофе, гибели. Духовная безопасность в связи с этим трактуется как система условий, обеспечивающих культурному субъекту сохранение своих жизненно важных параметров в пределах исторически сложившейся нормы.

Одним из первых, кто это отчетливо понял, был академик Д.С. Лихачев, который, в сущности, инициировал разработку «Декларации прав культуры» – документа, ставшего обращением к научному мировому сообществу, своего рода духовным завещанием, научное и нравственное значение которого трудно переоценить. По существу, в «Декларации...» сформулирован новый подход к определению места и роли культуры, которая определяет смысл и ценность существования народов, этносов и государств. Именно в «Декларации...» Д.С. Лихачев утверждает важную нравственную аксиому бытия, которую не следует забывать никому, ни простым людям, ни ученым, ни руководителям государства: *атрибуты истинной человечности, нравственный смысл жизни можно обрести только в мире культуры.*

Академик фундаментально обосновал перспективное направление самоопределения культурологии как особой сферы знания, которое не утратило актуальности и сегодня. В рамках этой парадигмы знание трактуется как результат специфической методологии, упорядочивающей, понимающей и интерпретирующей информацию, полученную другими науками о культуре. Таким образом, в культурологической парадигме наших дней должны органично сочетаться *онтологизм и гуманизм, историко-культурные знания и высочайшая нравственная ответственность* ученого перед прошлым, настоящим и будущим культуры России.

Отрадно отметить, что в становлении культурологической парадигмы в России заметен вклад диссертационного совета ДМ210.002.01 при Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. Правда, данный совет – правопреемник другого диссертационного совета, – К210.002.01, первого совета культурологического профиля на востоке России, который был открыт при ВСГАКИ 12 лет назад. Этому предшествовал ряд событий, которые стали непосредственной предтечей рождения данного совета.

Так, в 1997 году во ВСГАКИ была от-

крыта аспирантура по специальности «теория и история культуры (культурология)». Не обошлось без курьезов, ибо кафедра культурологии ВСГАКИ была образована лишь 4 года спустя. Темы, исследуемые первыми аспирантами, охватывали широкий круг проблем, в основном регионального характера. Они касались вопросов традиционных культур этносов Бурятии, региональной культурной политики, истории художественных культур и др.

Появление первых культурологических исследований, наличие значительного числа соискателей ученой степени кандидата культурологии, а также наличие кадров докторов и кандидатов наук, обусловили необходимость открытия диссертационного совета. Президиум ВАК Минобразования России 20 апреля 2001 года утвердил диссертационный совет К210.002.01 по присуждению ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – «теория и история культуры (культурология)» в количестве 13 человек, 8 из которых были докторами наук, а 5 – имели ученую степень кандидата наук. Председателем диссертационного совета был утвержден первый на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока доктор культурологии, профессор В.Л. Кургузов. Заместителем председателя стал д. ф. н., профессор Г.И. Балханов, секретарем совета – кандидат культурологии, доцент О.Н. Судакова.

Основная проблема данного состава совета состояла в остром недостатке кадров профессиональных культурологов. Их в то время на огромной территории Восточной Сибири было всего два человека: доктор культурологии – председатель совета и кандидат культурологии – ученый секретарь. Если иметь в виду новизну культурологии как научной дисциплины для абсолютного большинства ученых-гуманитариев и поначалу даже ее неприемлемость, то все это могло негативно сказываться на качестве диссертационных исследований, «перетаскивании» привычных методологий в новую отрасль научного знания. Поначалу нам

просто-напросто негде было взять официальных оппонентов из числа профессиональных культурологов. Это было трудное, но, вместе с тем, интересное время. Именно в те годы закладывались теоретические основы культурологической парадигмы на просторах Восточной Сибири.

Руководством совета в подборе тем диссертационных исследований приоритет однозначно был отдан теории культуры. На первых порах нам как воздух нужны были теоретики культуры, а не исследователи прикладных проблем. И эта тактика себя оправдала сполна, ибо уже через два года мы перестали искать оппонентов по другим городам и весям. У нас появились свои профессиональные культурологи, защитившие диссертации во ВСГАКИ. Кроме того, наши питомцы внесли, вносят и будут еще долго вносить свой весомый вклад в обогащение культурологической парадигмы не только Восточной Сибири, но и России в целом. Не случайно же, некоторые из них поступили в докторантуру, а многие в порядке соискательства работают над докторскими диссертациями.

Чтобы проиллюстрировать вклад культурологов в развитие культурологической парадигмы, а заодно и получить ясное представление о научных интересах наших соискателей, достаточно обратиться к формулировкам некоторых тем диссертаций, защищенных ими за 12 лет, перечисленных не в хронологическом, а в предметно-тематическом порядке:

«Культурологическое наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева» (С.В. Рыжова); «Культурный конфликт в художественном творчестве и способы его преодоления» (И.А. Изюрьева); «Китч как феномен массовой культуры» (А.Ф. Поляков); «Культурная политика государства в условиях полиэтнического региона» (Л.С. Васильева); «Экологическая культура и образование» (С.П. Козырева); «Аксиологические основания экологической культуры: сравнительный анализ религиозных и светских парадигм» (А.Д. Середкин); «Становление и развитие экологи-

ческой культуры в контексте современного культурологического знания» (В.И. Хадиева); «Приоритеты формирования гуманитарной культуры в контексте развития национальной школы» (А.Ц. Цымпилова); «Роль гуманитарных ценностей конфуцианства в развитии духовной культуры современного студенчества (на материалах вузов Внутренней Монголии КНР) (Цзинь Синьсинь); «Семейная культура современной Монголии» (Дарамзагдын Оюун); «Провинциальная культура и ее институциональное выражение в Бурятии» (В.В. Деменьева); «Культура современного российского телевизионного пространства» (М.В. Малошик); «Виртуальные коммуникации как фактор трансформации культуры информационного общества» (В.В. Кучмуруков); «Средства массовой информации как фактор формирования культуры здоровья молодежи» (А.Г. Манхеева); «Восточные оздоровительные системы как феномен культуры» (В.Н. Чебакова); «Культурная идентичность российских немцев-лютеран в условиях глобализации (на материалах Красноярского края)» (В.Е. Гендер); «Семантика орнамента в Бурятской буддийской архитектуре» (А.Я. Дугаров); «Знаки и символы региональной культурной идентичности (на материалах Забайкальского края)» (Н.П. Филишова); «Современная этническая культура бурятского села (на материалах Забайкалья)» (И.Б. Галсанова). «Панк-движение как феномен современной неформальной молодежной субкультуры» (А.В. Чечева).

Полиэтнический состав населения Восточной Сибири, пограничье с государствами Центральной Азии и индубуддийского культурного ареала обязывало нас обратить особое внимание на исследование традиционных культур этносов региона и проблем межкультурной коммуникации.

По данной тематике были защищены диссертации: «Традиционная народная культура бурят» (В.Д. Бабуева); «Народная песенная культура семейских Восточного Забайкалья» (Т.М. Зенкова); «Семантика мира якутов в традиционной одежде»

(Е.М. Ефимова); «Сагаалган» в духовно-нравственной культуре бурят: традиция и современность» (Ц.Е. Ренчинова); «Тело человека в традиционной культуре бурят» (С.Е. Ветохина); «Архетип «Великой матери» в традиционной и массовой культуре США» (Т.В. Платицина); «Диалог культур как основа инкультурации личности» (Л.Е. Антонова); «Межкультурная коммуникация в контексте взаимодействия России и США» (Л.К. Гомбожабон); «Межкультурная коммуникация русского населения Красноярского края и китайской диаспоры» (В.В. Воног); «Прагматический аспект межкультурной коммуникации» (В.Н. Дулганова); «Невербальный язык коммуникации» (Фань Цзин); «Информационная культура и коммуникация» (Л.П. Бурдуковская); «Межкультурная коммуникация хакасского и русского этносов» (С.В. Кокорина); «Двуязычие как базовое основание межкультурной коммуникации (на материалах Республики Бурятия)» (Ж.Б. Сультимова); «Национально-культурные центры как фактор стабильности межкультурных отношений в полиэтничном обществе» (А.В. Гапеева); «Культурные контакты тувинцев в контексте кочевой культуры» (С.С. Нава).

Не остались незамеченными и проблемы лингвокультурологии. По этой проблематике были защищены диссертации: «Лингвокультурные концепты и их роль в формировании национального характера (на материалах Франции)» (И.С. Мерзлякова); «Фразеология в традиционной культуре хакасов: лингвокультурологический анализ» (С.С. Тотышева); «Язык заимствований в процессе культурной диффузии (на материалах русско-французского диалога XVIII – начала XX вв.)» (Н.Б. Имыкшенова); «Семантика цвета в традиционной культуре народов Забайкалья (лингвокультурологический аспект)» (О.А. Баинова); «Роль языка в становлении профессиональной культуры врача» (О.А. Жилиева).

Одной из доминирующих тем в деятельности совета являются проблемы развития художественных культур. Здесь

были защищены следующие диссертации: «Художественная жизнь Восточного Забайкалья как явление культуры второй половины XIX – первой четверти XX вв.» (Е.Г. Иманакова); «Театр в контексте культуры Восточного Забайкалья советского периода» (В.В. Баева); «Музыкально-инструментальное творчество бурят как фактор художественной культуры» (В.В. Китов); «Танец в культурном пространстве народов Байкальского региона» (Д.В. Дугаржапов); «Взаимодействие русской православной культуры и культового искусства» (С.А. Митасова); «Художественная культура сибирского города XIX – начала XX вв. (на материалах Восточной Сибири)» (Е.С. Манзырева); «Бурятская и монгольская драматургия в контексте взаимодействия национальных культур (1920-1940 гг.)» (М.В. Амгаланова); «Композиторская школа в музыкальной культуре Бурятии как фактор межкультурной интеграции народов России» (Т.Г. Балханова).

В 2005 году диссертационному совету было дано право, кроме теории и истории культуры, принимать к защите диссертации и еще по одной специальности: 24.00.03 – «музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология)». Кандидатами культурологии по этой специальности за прошедшее время стали: З.Б. Чимитов (диссертация «Экологический туризм как фактор приобщения людей к ценностям природного и культурного наследия», выполненная на материалах Республики Бурятия); А.Е. Мурзинцева («Музеи Российской Академии наук: историко-культурологический анализ»); С.Э. Цыденова («Художественный музей как музеефикатор советской культуры»); М.А. Белокрыс («Музыкальная жизнь г. Кяхты («Песчаная Венеция») как феномен культурного наследия XVIII – начала XX века»).

Новый творческий подъем в научном наполнении культурологической парадигмы обозначен получением двух важнейших для судеб культурологии Восточной Сибири документов. 21 декабря 2008 года вышел в свет приказ Министерства образования и науки РФ об откры-

тии при ВСГАКИ объединенного (совместно с ВСГУ) совета ДМ201.002.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций по двум специальностям: 24.00.01 – «теория и история культуры (культурология)» и 24.00.03 – «музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология)». В качестве докторского совета он охватил собой огромную территорию от берегов Тихого океана и до восточных границ Западной Сибири.

Членами совета стали ведущие ученые Бурятии: д. ф. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего образования РФ В.И. Антонов; д. ф. н., профессор И.Г. Балханов; д. и. н., профессор И.Б. Батуева; д. с. н., доцент Т.Н. Бояк; д. и. н., профессор Н.Б. Дашиева; д. и. н., профессор Д.С. Дугаров; д. ф. н., профессор М.Д. Зомонов; д. фил. н., профессор С.С. Имixelова; д. и. н., профессор Г.С. Митыпова; доктор искусствоведения, профессор В.Ц. Найдакова; доктор культурологии, доцент Л.В. Санжеева; д. ф. н., и.о. профессора Ю.Ц. Тыхеева; д. с. н., профессор Д.Л. Хилханов; доктор культурологии, профессор М.Б. Абсалимов и доктор культурологии, профессор Л.Н. Евменова из Красноярска, а также доктор культурологии, профессор М.И. Гомбоева из Читы.

Председателем совета был утвержден автор статьи – В.Л. Кургузов, зав. кафедрой культурологии и социокультурной антропологии ВСГУТУ, доктор культурологии, профессор, академик Петровской академии наук и искусств, член IOV при ЮНЕСКО, заслуженный деятель науки Республики Бурятия, почетный работник ВСГУТУ, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Заместителем председателя стал д. ф. н., профессор, заслуженный работник культуры РФ Г.И. Балханов, секретарем совета – к. и. н., доцент Е. Г. Санжиева.

Буквально через год – 22 декабря 2009 года – появился другой приказ Министерства образования: «Об открытии докторантур в образовательных учреждении-

ях высшего профессионального образования и научных организациях», в котором обозначена Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, куда уже осуществлен первый набор докторантов из числа тех, кто ранее защитил свои кандидатские диссертации в нашем совете.

В марте 2012 года состоялся дебют в защите первой докторской диссертации в нашем совете, которая была утверждена ВАК. Виновником торжества стал А.Ф. Поляков, ранее защитивший здесь же кандидатскую диссертацию. Его докторская диссертация была посвящена актуальной для культурологии теме китча как феномена художественной культуры. На заседании совета развернулась интересная дискуссия по теме диссертации, в результате которой решение об успешной защите было принято всеми членами совета единогласно. Таким образом, в Бурятии появился первый доктор культурологии, защитивший диссертацию у себя дома – в городе Улан-Удэ. Сегодня в докторантуре обучается четверо соискателей из Улан-Удэ, прикреплены к ней соискатели из Новосибирска, Красноярска и Якутска.

Эти государственные документы накладывают на нас особые обязательства. Главное из них – всемерно повышать качество научных исследований, учитывая, что экономическая и геополитическая ориентация нашей страны направлена на Восток. В этих условиях культурологическая экспертиза многочисленных народнохозяйственных проектов приобретает особый, государственный смысл и высокую степень значимости для перспектив развития Восточной Сибири и Российской Федерации в целом.

«Кадры решают всё!» – эта прописная истина не требует комментариев. За кратчайший исторический срок, начав прак-

тически с нуля, диссертационный совет по культурологическим специальностям при ВСГАКИ обеспечил десятки высших учебных заведений региона квалифицированными кадрами профессиональных культурологов. Кандидатами наук здесь стали граждане Китая и Монголии, представители Омской области, Красноярского края и Хакасии, Забайкальского края и Бурятии, Республик Тыва и Саха (Якутия).

Все они в меру своих сил обогащают особую онтологию мира культуры, формируют и корректируют предметную рамку культурологической парадигмы. Все они в своих научных публикациях отстаивают многоуровневое понимание культуры, которая рассматривается ими в различных ипостасях – и как процесс созидания, сохранения, распространения и воспроизводства норм и ценностей, способствующих возвышению человека и гуманизации общества, и как уникальный социальный механизм, благодаря которому совершаются исследование и передача духовных ценностей и социального опыта.

Литература

1. Асоян Ю. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX и начала XX веков. М., 2001. С. 29-61.
2. Запесоцкий А.С., Марков А.П. Становление культурологической парадигмы. СПб., 2007. 00 с.
3. Культурология как наука: за и против: круглый стол. 13 февр. 2008 г., Москва. СПб., 2009.
4. Межуев В.М. Как возможна философия культуры?: докл. // Постигание культуры: ежегодник. М., 2000. Вып. 10. С. 180-201.
5. Запесоцкий А.С. Культурология как наука: за и против... СПб., 2009. С. 209-218.